THE JOURNAL OF SOCIAL POLICY STUDIES
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Евгений Попов

ПРОБАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СЕЛЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: КЕЙС АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Статья посвящена анализу пробации как механизма социальной интеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Исследование направлено на выявление того, каким образом участники пробации воспринимают возможности социальной интеграции, надзорный контроль и различия в доступе к ресурсам ресоциализации. Теоретической основой исследования выступает концепция агентности, позволяющая рассматривать пробацию как пространство взаимодействия поддержки и контроля. Эмпирическую базу составили полуструктурированные интервью с 19 участниками исправительного центра, созданного на базе промышленного предприятия в Алтайском крае. Анализ данных осуществлялся методом тематического кодирования. Результаты исследования показывают, что надзорный контроль остается важной частью повседневного опыта участников пробации и во многом определяет их отношение к данной практике. Пробация создает условия для социальной интеграции через трудовую деятельность, приобретение новых профессиональных навыков, расширение социальных связей и включение в коллективные формы взаимодействия. Наиболее значимым ресурсом интеграции выступает труд, позволяющий участникам осваивать новые социальные роли и снижать последствия длительной изоляции. Вместе с тем эффекты пробации распределяются неравномерно. Более активные участники получают дополнительные возможности для социальной интеграции, чаще рассматриваются как заслуживающие доверия и имеют больший доступ к отдельным ресурсам поддержки. В результате внутри самой практики пробации формируются новые различия между группами участников. Делается вывод о том, что пробацию целесообразно рассматривать как селективный механизм социальной интеграции, который одновременно способствует снижению социального исключения и воспроизводит новые формы неравенства. Полученные результаты

Евгений Александрович Попов — д.филос.н., проф., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия. Электронная почта: popov.eug@yandex.ru

расширяют представления о социальных эффектах пробации и могут быть использованы при разработке мер социальной политики, направленных на поддержку участников ресоциализации.

Ключевые слова: пробация, социальная интеграция, ресоциализация, агентность, социальное неравенство

Цитирование: Попов Е.А. (2026) Пробация как механизм селективной социальной интеграции: кейс Алтайского края. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (2): 313–330.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-2-313-330

Лицам, освобождающимся из мест лишения свободы, нередко приходится заново выстраивать отношения с семьей, работодателями, государственными институтами и местным сообществом. Эти процессы осложняются стигматизацией, ограниченным доступом к ресурсам и необходимостью адаптации к новым условиям жизни (Омельченко 2012; Гарифзянова 2022). Одним из инструментов поддержки таких групп выступает пробация, ориентированная на содействие социальной интеграции и предупреждение повторных правонарушений (ФЗ 2023). Несмотря на декларируемые цели, эффекты пробации могут существенно различаться для разных категорий ее участников. Одни получают дополнительные возможности для трудовой занятости, социальной активности и смягчения надзорного контроля, тогда как другие сталкиваются с ограничениями, стигматизацией и трудностями интеграции. В связи с этим важно рассматривать пробацию не только как механизм поддержки, но и как социальную практику, в рамках которой ресурсы и возможности распределяются неравномерно.

Целью статьи является анализ восприятия участниками пробации ее влияния на повседневную жизнь и выявление групп получающих наибольшие преимущества от участия в данной практике. Особое внимание уделяется взаимосвязи между социальной активностью субъектов пробации, надзорным контролем и доступом к ресурсам социальной интеграции. Для достижения поставленной цели рассматриваются следующие вопросы: 1) как участники пробации воспринимают надзорный контроль и его влияние на социальную активность; 2) как оценивается сама практика пробации; 3) какие ограничения и риски возникают в процессе ее реализации.

Теоретическая рамка

В современных исследованиях пробация рассматривается не только как инструмент предупреждения повторных правонарушений, но и как механизм социальной интеграции лиц, оказавшихся в конфликте с законом (Canton 2009; Cavadino, Dignan 2006). Если первоначально внимание исследователей захватывало преимущественно вопросы исполнения наказания,

контроля за поведением осужденных и профилактики рецидива (Radzinowicz 1958), то в последние десятилетия более значимы проблемы восстановления социальных связей, трудовой интеграции и возвращения человека к самостоятельной жизни после освобождения (Dominey 2019; Ploeg, Sandlie 2011). Такой сдвиг отражает изменение представлений о целях уголовно-исполнительной политики. Пробация все чаще понимается как социальная практика, направленная не только на снижение рисков повторного совершения преступлений, но и на создание условий для возвращения человека в общество. В этой логике успешность пробации определяется не столько степенью контроля над поведением индивида, сколько возможностью восстановления его социальных ролей, расширения доступа к социальным ресурсам и формирования устойчивых стратегий законопослушного поведения.

В научной литературе отмечалось, что пробация сочетает в себе две разнонаправленные функции. С одной стороны, она предполагает оказание помощи человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, содействие его трудоустройству, обучению, восстановлению семейных и социальных связей. С другой стороны, пробация остается частью системы контроля и надзора, предполагающей оценку поведения участников, соблюдение установленных требований и применение дисциплинарных механизмов (Raynor, Vanstone 1994; Canton 2009). Именно сочетание поддержки и контроля во многом определяет специфику данной социальной практики.

Для анализа этого противоречия представляется продуктивным обращение к концепции агентности. В широком смысле агентность рассматривается как способность человека осознанно действовать, принимать решения и выстраивать жизненные стратегии в рамках существующих социальных условий (Hitlin, Elder 2007). В исследованиях жизненных переходов и социальной интеграции агентность связывается не только с индивидуальной мотивацией, но и с возможностью использовать доступные ресурсы для изменения собственной жизненной ситуации (Evans 2002; Heinz 2009; Carr 2024). Применительно к пробации агентность позволяет рассматривать ресоциализацию не как пассивное усвоение предписанных норм поведения, а как процесс восстановления способности самостоятельно организовывать собственную жизнь. Речь идет о возможности человека заново выстраивать отношения с семьей и ближайшим окружением, приобретать новые профессиональные навыки, включаться в трудовую деятельность и формировать новые жизненные перспективы. В этом смысле ресоциализация предполагает не только отказ от противоправного поведения, но и возвращение способности выступать активным участником социальных отношений.

Важным положением теории агентности является тезис о зависимости индивидуальной активности от институциального контекста. Возможности человека определяются не только его личными качествами или мотивацией, но и доступностью социальных ресурсов, характером взаимодействия с государственными институтами, наличием поддержки со стороны окружающих

и степенью социальной включенности (Evans 2002; Heinz 2009). Поддерживающая среда способна расширять пространство выбора и способствовать формированию новых жизненных стратегий, тогда как стигматизация, ограниченность ресурсов и жесткий контроль, напротив, могут снижать возможности для проявления агентности. Данное положение имеет особое значение для анализа пробации. Даже при наличии формальных механизмов поддержки, участники пробации могут обладать различными возможностями для социальной интеграции. Одни способны активно использовать предлагаемые ресурсы, включаться в трудовую деятельность, участвовать в общественной жизни исправительного центра и выстраивать новые социальные связи. Другие, напротив, могут сохранять дистанцию по отношению к предлагаемым формам активности, воспринимать их как продолжение системы контроля либо сталкиваться с ограничениями, затрудняющими их участие в подобных практиках. В этом контексте особый интерес представляет вопрос о том, каким образом сами участники пробации воспринимают существующие возможности и ограничения. Исследования показывают, что эффективность программ ресоциализации зависит не только от содержания предлагаемых мер поддержки, но и от того, как они воспринимаются людьми, вовлеченными в соответствующие практики (Raynor, Vanstone 1994; Nahouli et al. 2024). Поэтому важно учитывать не только институциональную логику пробации, но и субъективный опыт ее участников.

Дополнительную аналитическую перспективу для понимания данной проблемы задают работы М. Фуко, посвященные соотношению дисциплинарных практик и свободы субъекта. Анализируя механизмы современного надзора, исследователь обращал внимание на то, что дисциплинарные институты одновременно создают возможности для социальной организации и воспроизводят отношения контроля (Фуко 1999; Foucault 1988). С этой точки зрения пробация представляет интерес не только как механизм поддержки, но и как пространство, в котором процессы социальной интеграции и надзорного воздействия существуют одновременно.

Исходя из этого, в настоящем исследовании пробация рассматривается как социальная практика, в рамках которой участники получают доступ к различным ресурсам социальной интеграции, однако возможности использования этих ресурсов могут распределяться неравномерно. Концепция агентности позволяет проанализировать, каким образом участники пробации воспринимают доступные возможности, как соотносятся социальная активность и надзорный контроль, а также какие эффекты и ограничения возникают в процессе реализации данной практики.

Методология исследования

Исследование выполнено в логике качественного кейс-анализа и направлено на изучение восприятия пробации ее участниками. Такой подход

позволяет рассматривать пробацию не только как нормативно закрепленный институт социальной политики, но и как повседневную социальную практику, приобретающую конкретное содержание через опыт людей, вовлеченных в ее реализацию. Особое внимание уделяется тому, каким образом участники пробации оценивают доступные возможности социальной интеграции, воспринимают надзорный контроль и объясняют различия в уровне вовлеченности других участников в предлагаемые формы социальной активности.

В качестве исследовательского кейса выбран Алтайский край. Выбор региона обусловлен наличием элементов институциальной инфраструктуры ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В крае действует государственная программа профилактики правонарушений, включающая мероприятия по социальной реабилитации данной категории граждан (Распоряжение Правительства АК 2021). Кроме того, в регионе функционирует межведомственная комиссия по социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы (Распоряжение Правительства АК 2023). По данным Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, подобные структуры действуют лишь в ограниченном числе субъектов РФ (Доклад 2022). В Алтайском крае функционируют три исправительных центра в Барнауле, Бийске и Новоалтайске, а также изолированный участок исправительного центра, созданный на базе промышленного предприятия.

Эмпирическое исследование проводилось в 2024 г. методом полуструктурированного интервью. В исследовании приняли участие мужчины, переведенные из исправительных учреждений в исправительный центр после смягчения условий отбывания наказания. Отбор участников осуществлялся на базе исправительного центра, созданного на территории предприятия «Алтайгеомаш» в Барнауле (см. подробнее: Amic 2025). Интервью проводились конфиденциально, без присутствия представителей администрации предприятия и сотрудников исправительного центра. На момент исследования в центре находилось 88 чел. при проектной вместимости 135 мест. В связи с ограничениями доступа к персональным данным, исследователям предоставлена информация только о наиболее вовлеченной части участников пробации, выполнявших различные организационные функции в коллективе. В дальнейшем данная группа обозначается как «активисты». В список входили представители трудового, спортивно-оздоровительного, профсоюзного, информационного и других секторов исправительного центра. Всего в перечень «активистов» включены 26 чел., из которых семеро отсутствовали в период проведения исследования по уважительным причинам. Таким образом, в исследовании приняли участие 19 мужчин в возрасте от 26 до 58 лет (средний возраст — 42 года). Все информанты находились в условиях пробации более одного года.

Каждое интервью продолжалось от 40 до 60 минут. Все информанты дали согласие на участие в исследовании, случаев отказа зафиксировано

не было. Интервью строились по полуструктурированному гайду, что позволяло сохранять единую логику беседы и одновременно учитывать индивидуальный опыт участников. Гайд интервью включал три тематических блока. Первый посвящен восприятию пробации, надзорного контроля и степени самостоятельности в условиях исправительного центра. Второй касался участия информантов в трудовой, общественной и иных формах социальной активности, а также их представлений о факторах, способствующих или препятствующих социальной интеграции. Третий блок направлен на выявление оценок преимуществ и ограничений пробации, включая различия в опыте ее участников. Особое внимание уделялось не только описанию личного опыта информантов, но и их представлениям о других участниках пробации. Такой подход позволял реконструировать существующие внутри исправительного центра представления о социальной активности, успехе, ответственности и вовлеченности в предлагаемые формы деятельности. Поскольку в выборку вошли наиболее активные участники пробации, важной задачей исследования стало изучение того, каким образом они интерпретируют причины различий между более и менее вовлеченными группами.

После проведения интервью выполнена расшифровка аудиозаписей и подготовлены текстовые транскрипты. Анализ материалов осуществлялся методом тематического кодирования. На первом этапе выделялись смысловые единицы, связанные с восприятием контроля, социальной активности, трудовой интеграции, стигматизации и межгрупповых отношений. На втором этапе коды объединялись в более широкие аналитические категории, позволившие выявить устойчивые сюжеты и различия в интерпретации опыта пробации. Для повышения надежности интерпретаций результаты интервью сопоставлялись между собой, а в отдельных случаях уточнялись в ходе дополнительных бесед с сотрудниками исправительного центра. При этом основным источником данных выступали интервью с участниками пробации, поскольку целью исследования являлся анализ их субъективного опыта и оценок.

Ограничения исследования

Результаты исследования следует интерпретировать с учетом ряда ограничений. Прежде всего, выборка включала только наиболее вовлеченных участников пробации, выполнявших различные организационные функции в исправительном центре. Это не позволяет напрямую реконструировать опыт менее активных участников или лиц, дистанцирующихся от предлагаемых форм социальной активности. В связи с этим выводы исследования отражают прежде всего восприятие пробации наиболее включенной группой ее участников. Вместе с тем данное ограничение имеет и аналитическое значение. Поскольку именно наиболее активные участники чаще взаимодействуют с администрацией исправительного

центра, участвуют в коллективных мероприятиях и получают доступ к дополнительным возможностям, их опыт позволяет проследить механизмы формирования представлений о социальной активности, успешной ресоциализации и доступе к ресурсам пробации. Кроме того, информанты регулярно обращались к оценке поведения других участников, что позволило выявить существующие внутри сообщества представления о различиях между более и менее вовлеченными группами.

Следует также учитывать специфику институциального контекста исследования. Интервью проводились в условиях исправительного центра, где сохраняются отношения административного контроля. Несмотря на обеспечение конфиденциальности и отсутствие представителей администрации во время интервью, нельзя полностью исключить влияние социально желательных ответов и стремления информантов представить собственный опыт в более благоприятном свете.

Еще одно ограничение связано с кейсовым характером исследования. Рассматриваемая практика реализуется в конкретном регионе и на базе конкретного предприятия, обладающего собственными организационными особенностями. По этой причине полученные результаты не могут быть автоматически распространены на все модели реализации пробации в России. Вместе с тем кейс Алтайского края представляет самостоятельный исследовательский интерес как пример региона, в котором сформированы институциальные механизмы ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Указанные ограничения не снижают значимости полученных результатов, однако задают границы их интерпретации и определяют направления дальнейших исследований, связанных с изучением опыта различных групп участников пробации и сравнительным анализом региональных практик ее реализации.

Пробация как режим контроля и ограничения агентности

Одной из задач пробации является содействие социальной интеграции лиц, освобождающихся из мест лишения свободы (ФЗ 2023). Вместе с тем результаты интервью показывают, что восприятие данной практики во многом определяется не столько предоставляемыми возможностями, сколько сохраняющимся надзорным контролем. Для большинства информантов именно контроль остается центральной характеристикой повседневного опыта пробации. Отвечая на вопросы о различиях между пребыванием в исправительном центре и отбыванием наказания в местах лишения свободы, участники исследования нередко подчеркивали ограниченность произошедших изменений. Так, один из информантов отмечал: «*Не всегда ощутима разница: что пробация, что на зоне, единственное: есть выход за территорию, уже глоток воздуха*» (И 2, 37 л.) Другой формулировал свою позицию схожим образом:

«*До зоны была трудная ситуация — ну и что? — теперь разве лучше, все равно везде наблюдают и ставят барьеры, получше, конечно, стало, но не то*» (И 8, 48 л.) Эти оценки свидетельствуют о том, что пробация воспринимается информантами скорее как изменение формы контроля, чем как переход к самостоятельной жизни. Несмотря на расширение возможностей по сравнению с условиями лишения свободы, участники исследования продолжают ощущать постоянное наблюдение и необходимость соотносить свои действия с требованиями администрации и установленными правилами.

Сохранение контроля проявляется не только в повседневных практиках, но и в административных процедурах, сопровождающих перевод в исправительный центр и дальнейшее пребывание в нем. По словам одного из информантов, «*ждать направления в центр пришлось очень долго, и все время за мной как будто наблюдали — смогу я или нет*» (И 15, 35 л.) После перевода контроль, по мнению участников исследования, не исчезает, а приобретает новые формы. Так, один из них отмечал: «*Здесь каждый день нужно заполнять гору бумаг, отчет за каждый шаг и по производству, и по поведению*» (И 13, 41 г.) Подобные оценки позволяют говорить о том, что бюрократические процедуры воспринимаются как продолжение надзорной функции пробации.

Критические оценки вызывали и регулярные проверки со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы. Информанты обращали внимание на необходимость постоянного подтверждения собственной благонадежности: «*Меня много раз вызывали на беседы: что да как? Зачем это вообще тогда нужно*?» (И 11, 26 л.) Некоторые участники связывали контроль не только с наблюдением за поведением, но и с ограниченными возможностями реализации собственных инициатив: «*Мы как-то предложили поучаствовать в мероприятиях общества отцов, но не получилось, и тут нам палки в колеса*» (И 9, 55 л.)

Важным элементом данной системы выступает условно-досрочное освобождение (УДО). Для части информантов перспектива УДО воспринимается как один из ключевых стимулов участия в деятельности исправительного центра. Вместе с тем сама возможность его получения рассматривается как механизм регулирования поведения. Один из участников отмечал: «*Мне суд уже отказал в УДО, надеюсь на пробацию, но кажется так еще сложнее — это как быть под прессом*» (И 13, 41 г.) Другой прямо связывал преимущества наиболее активных участников с перспективой более раннего освобождения: «*Для нашего актива есть возможность раньше всех получить УДО*» (И 15, 35 л.) В этом случае механизм давления в рамках пробации по-прежнему сохранялся и, по оценкам информантов, влиял на негативное отношение к пробации. Кроме того, возможность получения УДО еще больше разделяла «активистов» и «неактивистов».

Примечательно, что даже наиболее вовлеченные участники пробации не воспринимают контроль исключительно в негативном ключе. Многие

из них рассматривают социальную активность как способ сделать его менее ощутимым. Так, один из информантов отмечал: «*Пробация, хотя и не снижает контроль, дает возможность немного проявить себя, да хоть в творчестве*» (И 1, 45 л.) Другой участник связывал привычку к дисциплине со своей общественной ролью в центре: «*Я — спорторг, спорт сам по себе — контроль над собой, поэтому есть такая привычка*» (И 15, 35 л.)

Сотрудники исправительного центра также подчеркивали необходимость сохранения контроля, одновременно связывая его с подготовкой к жизни на свободе. По их словам, «*они не свободны, конечно, полностью, но наиболее активные находят отдушину, они должны понять, как быть с собственной свободой*». Подобные высказывания отражают двойственный характер пробации как института, одновременно ориентированного на поддержку и надзор.

Таким образом, участники пробации воспринимают контроль как неотъемлемую часть данной практики. Пробация не устраняет надзор, а трансформирует его формы, сочетая административное наблюдение, бюрократические процедуры и механизмы стимулирования поведения. В этих условиях возможности для проявления самостоятельности оказываются тесно связаны с готовностью участников включаться в социально одобряемые формы активности, что делает проблему агентности центральной для понимания опыта пробации.

Пробация как механизм селективной социальной интеграции

Несмотря на критические оценки надзорного контроля, результаты интервью показывают, что участники пробации связывают данную практику не только с ограничениями, но и с появлением новых возможностей. Прежде всего речь идет о трудовой деятельности, которая воспринимается информантами как основной ресурс социальной интеграции и восстановления привычных социальных ролей. Отметим, что информанты неоднозначно оценивают перспективы возвращения к прежним отношениям и преодоления стигматизации. Так, один из участников отмечал: «*Нам же не верят и не поверят, связи разорваны*» (И 3, 56 л.) Другой информант высказывался сходным образом: «*Здесь сложно о каких-то связях говорить, мы же как белые вороны*» (И 18, 28 л.) Подобные оценки свидетельствуют о том, что социальная интеграция воспринимается участниками как сложный и не всегда результативный процесс.

В то же время многие информанты связывали возможность постепенного восстановления своего положения именно с трудовой деятельностью и приобретением новых навыков. Один из участников подчеркивал: «*Я здесь получил новые знания, и у меня даже был наставник с завода — очень хорошо помог и по-человечески*» (И 2, 37 л.) Для части опрошенных важным оказался

сам опыт совмещения обучения и работы: «*Даже не представлял, что можно сразу учиться и работать здесь же по профессии*» (И 5, 40 л.)

Трудовая деятельность воспринимается информантами не только как источник дохода или профессионального опыта, но и как средство преодоления изоляции. В отличие от исправительного учреждения, где большинство социальных контактов ограничено рамками пенитенциарной среды, работа на предприятии создает возможности для взаимодействия с людьми, не связанными с системой исполнения наказаний. Один из участников исследования отмечал: «*Если бы не трудяги с воли вместе с нами, эта тягость не ушла бы*» (И 1, 45 л.) В другом интервью подчеркивалось, что в процессе работы надзорный контроль становится менее заметным: «*Про контроль забываешь, никто не окрикивает, рядом с тобой такой же трудяга*» (И 18, 28 л.)

Полученные данные позволяют предположить, что именно труд становится главным механизмом социальной интеграции в условиях пробации. Через участие в производственной деятельности информанты получают новые навыки, включаются в коллективное взаимодействие и приобретают опыт отношений, выходящих за рамки исправительного центра. Не случайно многие участники связывают положительные изменения не столько с самой пробацией, сколько с возможностью работать в обычном трудовом коллективе.

Трудовая деятельность приобретает для информантов и символическое значение. Она рассматривается как способ доказать собственную полезность и готовность к возвращению в общество. Один из участников отмечал: «*Сначала я работал как автомат — поднеси, подай, но потом как-то втянулся и стало интересно*» (И 5, 40 л.) Другой информант противопоставлял прежний и нынешний опыт занятости: «*На воле просто была работа, а теперь нужен результат, это совсем другое*» (И 13, 41 г.) Для наиболее вовлеченных участников пробации труд становится основанием для формирования коллективной идентичности и чувства ответственности перед группой. Так, один из информантов говорил: «*Лично для меня важно подтянуть других — пусть тоже напрягаются, помогают бригаде*» (И 18, 28 л.) Другой отмечал: «*У нас тут одно дело — всем равное, но не все это принимают*» (И 9, 55 л.) В этих высказываниях труд предстает не только как индивидуальная стратегия адаптации, но и как форма участия в коллективной жизни.

Однако доступ к ресурсам социальной интеграции оказывается неодинаковым для разных участников пробации. В предыдущем разделе показано, что наиболее активные участники получают больше возможностей для смягчения надзорного контроля. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере социальной интеграции. По словам сотрудников исправительного центра, «*появились лидеры в хорошем смысле, они способны подтянуть всех остальных*». При этом сами сотрудники признают, что не все участники имеют одинаковые шансы на успешную интеграцию, связывая

это как с различиями в социальном опыте, так и с ограничениями самой системы пробации.

Таким образом, результаты исследования позволяют рассматривать пробацию как механизм социальной интеграции, в котором центральную роль играет трудовая деятельность. Именно через труд участники получают новые навыки, расширяют круг социальных контактов и приобретают опыт взаимодействия за пределами пенитенциарной среды. Вместе с тем доступ к данным ресурсам оказывается неравномерным, что создает предпосылки для формирования различий между группами участников пробации.

Воспроизводство неравенства внутри пробации

Пробация не только создает условия для социальной интеграции, но и формирует новые различия между ее участниками. Эти различия проявляются не столько в формальном статусе, сколько в восприятии социальной активности, ответственности и готовности к изменениям. В результате внутри сообщества участников пробации возникают символические границы, разделяющие более и менее вовлеченные группы. Одним из оснований такого разделения становится различное понимание самой пробации. По мнению наиболее активных участников, не все находящиеся в исправительном центре одинаково воспринимают цели и возможности данной практики. Так, в интервью отмечалось, что «*не для всех до конца понятно, что такое пробация*», а некоторые участники «*считали пробацию по-настоящему свободой, возможно, это было заблуждение*». Подобные оценки свидетельствуют о том, что активисты склонны рассматривать собственное понимание пробации как более правильное и соответствующее требованиям данной социальной практики.

В результате различия в уровне вовлеченности начинают интерпретироваться как различия в отношении к самой возможности ресоциализации. Характерно, что менее активные участники описываются преимущественно через отсутствие инициативы и стремления к изменениям. Один из информантов отмечал: «*Будут те, кто все время затаивается, выжидает, чего-то ждет, наверное, лучшего, но лучше точно не будет*» (И 13, 41 г.) Другой участник исследования высказывался еще более категорично: «*Есть такие, кто не хочет ничего делать, они просто чего-то ждут, наверное, к ним этот контроль и нужно применять*» (И 15, 35 л.)

Подобные оценки позволяют говорить о своеобразной моральной дифференциации внутри сообщества участников пробации. Более активные информанты связывают успех ресоциализации прежде всего с личными усилиями и готовностью использовать предоставляемые возможности. Соответственно, недостаточная вовлеченность начинает восприниматься не как следствие различных жизненных обстоятельств, а как результат индивидуального выбора. В этом случае контроль рассматривается уже

не как универсальная характеристика пробации, а как мера, применение которой оказывается оправданным по отношению к отдельным группам участников. Особое значение в формировании таких различий приобретает трудовая деятельность. Если в предыдущем разделе труд рассматривался как важнейший ресурс социальной интеграции, то в данном случае он выступает критерием оценки участников друг другом. Так, рассуждая о способах преодоления ограничений, связанных с пробацией, отмечалось: «*Скорее всего труд — такая мера, отвлекает, и здесь своя активность — выработка нормы и надо не подкачать бригаду*» (И 13, 41 г.) В этом высказывании труд предстает не только как форма занятости, но и как показатель ответственности перед коллективом.

Логическим продолжением данной позиции становится сравнение собственных достижений с результатами других участников. Так, один из информантов подчеркивал: «*Я норму перевыполняю, а другие нет, я думаю: что не так, они хотят стать другими или нет*?» (И 18, 28 л.) Подобные оценки демонстрируют, что различия в трудовой активности постепенно приобретают символическое значение. Более успешные участники начинают восприниматься как заслуживающие большего доверия и признания, тогда как менее успешные оказываются в положении группы, чья мотивация и готовность к изменениям ставятся под сомнение.

Важно отметить, что данная логика находит отражение не только в оценках самих участников, но и в представлениях сотрудников исправительного центра. По словам кураторов, несмотря на положительные изменения, «*пассивность все же сохранялась, что требует дополнительных мер*». Хотя отношение к менее активным участникам не сводилось исключительно к критике. В интервью и комментариях сотрудников исправительного центра прослеживается представление о том, что различия между группами могут быть преодолены через включение в совместную деятельность. В данном случае социальная активность рассматривается не как врожденное качество или индивидуальная характеристика, а как результат участия в определенных социальных практиках.

Подобная интерпретация согласуется с выводами исследователей, согласно которым длительная изоляция способна формировать пассивность и утрату навыков, необходимых для самостоятельной жизни после освобождения (Кравцова и др. 2022: 87). В этой логике менее активные участники пробации выступают не только объектом критики, но и группой, нуждающейся в дополнительных механизмах социальной интеграции. Как отмечает Evans (2002: 247), преодоление подобных последствий возможно в том числе через вовлечение в конструктивную деятельность со стороны более активных участников сообщества. Аналогичным образом Mesoniene (2009: 250) связывает развитие социальной активности с организацией совместной трудовой деятельности и созданием условий для коллективного участия в социальных практиках.

Таким образом, внутри пробации формируются две конкурирующие логики восприятия неактивности. Первая объясняет ее отсутствием мотивации и готовности к изменениям. Вторая связывает неактивность с последствиями длительной изоляции и рассматривает ее как проблему, требующую дополнительной социальной поддержки. Именно противоречие между этими подходами во многом определяет характер отношений между различными группами участников пробации.

Полученные результаты позволяют предположить, что пробация одновременно выполняет две взаимосвязанные функции. С одной стороны, она способствует снижению социального исключения через трудовую занятость, приобретение новых навыков и расширение социальных связей. С другой стороны, внутри самой практики возникают новые основания для дифференциации участников. Социальная активность становится не только ресурсом интеграции, но и критерием распределения доверия, признания и доступа к отдельным возможностям. Таким образом, пробация не сводится исключительно к механизму социальной поддержки. Она формирует собственную систему различий между участниками, в рамках которой более активные группы получают символические и организационные преимущества. В результате практика, направленная на преодоление социального исключения, одновременно воспроизводит новые формы неравенства, основанные на различиях в степени вовлеченности в предлагаемые механизмы ресоциализации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассмотреть пробацию не только как механизм контроля за поведением лиц, освободившихся из мест лишения свободы, но и как социальную практику, влияющую на возможности их дальнейшей интеграции в общество. Обращение к концепции агентности позволило проанализировать пробацию через призму доступных участникам ресурсов, ограничений и стратегий адаптации.

Полученные результаты показывают, что надзорный контроль остается важной частью повседневного опыта участников пробации. Несмотря на расширение возможностей по сравнению с условиями лишения свободы, информанты продолжают воспринимать пробацию как пространство, в котором элементы поддержки сочетаются с постоянным наблюдением, бюрократическими процедурами и зависимостью от решений администрации. В этом смысле пробация не устраняет контроль, а трансформирует его формы. Результаты исследования показывают, что пробация действительно создает условия для социальной интеграции части участников. Наиболее значимым ресурсом интеграции выступает трудовая деятельность. Через труд участники получают новые профессиональные навыки, расширяют круг социальных контактов, взаимодействуют с людьми за пределами пенитенциарной

среды и приобретают опыт, который может способствовать их последующей адаптации. Для многих информантов именно включенность в трудовой коллектив оказывается наиболее значимым элементом пробации.

Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что эффекты пробации распределяются неравномерно. Возможности, связанные с трудовой интеграцией, общественной активностью, получением поощрений и смягчением надзорного контроля, оказываются в большей степени доступны наиболее вовлеченным участникам. Социальная активность начинает выступать важным критерием распределения доверия и доступа к ресурсам внутри сообщества участников пробации. В результате пробация приобретает двойственный характер. С одной стороны, она способствует преодолению социальной изоляции и создает условия для восстановления агентности участников через включение в трудовую и общественную деятельность. С другой стороны, внутри самой практики формируются новые линии разграничения между более и менее активными группами. Активность становится не только ресурсом интеграции, но и основанием для символического и организационного неравенства.

Таким образом, проведенное исследование позволяет рассматривать пробацию как селективный механизм социальной интеграции. Ее эффективность определяется не только наличием формальных мер поддержки, но и способностью различных групп участников использовать предоставляемые ресурсы. Это ставит вопрос о необходимости дальнейшего изучения тех участников пробации, которые остаются менее вовлеченными в предлагаемые формы деятельности, а также о поиске дополнительных механизмов поддержки, направленных на снижение возникающих внутри системы различий.

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Материалы для анализа

Распоряжение Правительства АК (2021) *Об утверждении Плана мероприятий по социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в крае на 2021–2024 гг.*, № 66-р от 04.03.2021.

Распоряжение Правительства АК (2023) *Об утверждении состава краевой межведомственной комиссии по социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы*, № 195-р от 04.06.2023.

Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ (2022) *Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы.* М.: МГЮА.

Федеральный закон (2023) *О пробации в Российской Федерации*, № 10-ФЗ от 06.02.2023.

Amic (2025) *Второй шанс.* Доступно по ссылке: https://clck.ru/3TzHSY (дата обращения: 12 сентября 2025).

Список источников

Гарифзянова А. Р. (2022) «Первое время мне трудно здесь было…». Почему бывшим заключенным так сложно на свободе? М. В. Середа, О. Е. Бредникова (ред.) *Социальная работа с осужденными, освободившимися из мест лишения свободы и бездомными.* СПб.: СПб ГБУ ГИМЦ «Семья»: 32–42.

Кравцова А. Н., Лисовская И. В., Ясавеев И. Г. (2022) «Эта система делает только будущих зэков»: проблематизация дискурса исправления бывшими заключенными. *Мир России,* 4 (31): 79–99.

Омельченко Е. Л. (ред.) (2012) *До и после тюрьмы. Женские истории.* СПб.: Алетейя.

Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / пер. с фр. М.: Ad Marginem.

Canton R. (2009) Taking Probation Abroad. *European Journal of Probation*, 1 (1): 66–78.

Carr N. (2024) Probation Service Identity Crisis. *Probation Journal,* 1 (71): 3–5.

Cavadino M., Dignan J. (2006) *Penal Systems: A Comparative Approach.* London: Sage Publications Ltd.

Dominey J. (2019) Probation Supervision as a Network of Relationships: Aiming to be Thick, not Thin. *Probation Journal,* 66 (3): 280–301.

Evans K. (2002) Taking Control of Their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany. *Journal of Youth Studies,* 3 (5): 245–269.

Foucault M. (1988) *Politics, Philosophy, Culture. Interviews and Other Writings 1977–1984.* New York: Routledge.

Heinz W. R. (2009) Youth Transitions in an Age of Uncertainty. In: A. Furlong (ed.) *Handbook of Youth and Young Adulthood. New Perspectives and Agendas.* Lon-don; New York, NY: Routledge: 60–71.

Hitlin S., Elder G. (2007) Time, Self, and the Curiously Abstract Concept of Agency. *Sociological Theory,* 2 (25): 170–191.

Mesoniene S. (2009) The Problem of Efficient Resocialization: Legal Regulations and Social Demands. *Jurisprudencija,* 4 (118): 235–246.

Nahouli Z., Mackenzie J.-M., Dando C. (2024) Rapport Building with Offenders in Probation Supervision: The Views of English Probation Practitioners. *Probation Journal,* 2 (70): 104–123.

Ploeg G., Sandlie J.-E. (2011) Mapping Probation Futures: Norway. *Probation Journal*, (58): 386–394.

Radzinowicz L. (1958) *The Results of Probation*. London: Macmillan.

Raynor P., Vanstone M. (1994) Probation Practice, Effectiveness and the Non-Treatment Paradigm. *British Journal of Social Work,* 24 (4): 387–404.

Evgeny Popov

PROBATION AS A MECHANISM OF SELECTIVE SOCIAL INTEGRATION: THE CASE OF THE ALTAI TERRITORY

This article examines probation as a means of facilitating the social reintegration of individuals released from correctional institutions. It aims to explore how participants in the probation program perceive opportunities for social integration, supervisory control and differences in access to resources for reintegration into society. The theoretical framework is based on the concept of agency, enabling probation to be viewed as an environment where support and control interact. The empirical material consists of semi-structured interviews with nineteen participants from a correctional center located within an industrial enterprise in the Altai Krai region of Russia. The data were analyzed using thematic coding. The findings show that supervisory control remains a significant aspect of probationers' daily lives and significantly influences their perceptions of probation. At the same time, probation also creates opportunities for social integration through employment, the acquisition of new professional skills, the expansion of social ties, and participation in collective forms of interaction. Employment emerges as the most significant integration resource, enabling participants to develop new social roles and mitigate the consequences of long-term isolation. However, the effects of probation are distributed unevenly. More active participants gain additional opportunities for social integration, are more often perceived as trustworthy, and have greater access to certain support resources. Consequently, new distinctions emerge between different groups of probation participants within the probation system itself. The study concludes that probation can be understood as a selective mechanism of social integration that simultaneously reduces social exclusion and reproduces new forms of inequality. These findings improve our understanding of the social effects of probation and could inform social policy measures aimed at supporting different groups of individuals undergoing social reintegration.

Key words: probation, social integration, resocialization, agency, social inequality

Citation: Popov E. (2026) Probatsiya kak mekhanizm selektivnoy sotsial'noy integratsii: keys Altayskogo kraya [Probation as a Mechanism of Selective Social Integration: The Case of the Altai Territory]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (2): 313–330.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-2-313-330

References

Canton R. (2009) Taking Probation Abroad. *European Journal of Probation*, 1 (1): 66–78.

Evgeny Popov — Dr. Sci (Philos.), Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation. Email: popov.eug@yandex.ru

Carr N. (2024) Probation Service Identity Crisis. *Probation Journal,* 1 (71): 3–5.

Cavadino M., Dignan J. (2006) *Penal Systems: A Comparative Approach.* London: Sage Publications Ltd.

Dominey J. (2019) Probation Supervision as a Network of Relationships: Aiming to be Thick, not Thin. *Probation Journal,* 66 (3): 280–301.

Evans K. (2002) Taking Control of Their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany. *Journal of Youth Studies,* 3 (5): 245–269.

Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie ty*ur'my [To Supervise and Punish. The Birth of Prison]. Moscow: Ad Marginem.

Foucault M. (1988) *Politics, Philosophy, Culture. Interviews and Other Writings 1977–1984.* New York: Routledge.

Garifzyanova A. R. (2022) 'Pervoe vremya mne trudno zdes' bylo…'. Pochemu byvshim zaklyuchennym tak slozhno na svobode? ['The First Period Was Difficult for Me Here…' Why Is It So Hard for Former Prisoners to Adapt to Life in Freedom?] In: M. V. Sereda, O. E. Brednikova (eds.) *Social'naya rabota s osuzhdennymi, osvobodivshimisya iz mest lisheniya svobody i bezdomnymi* [Social Work with Convicted Persons, Former Prisoners and Homeless People]. St. Petersburg: SPb GBU GIMC 'Sem'ya': 32–42.

Heinz W. R. (2009) Youth Transitions in an Age of Uncertainty. In: A. Furlong (ed.) *Handbook of Youth and Young Adulthood. New Perspectives and Agendas.* Lon-don; New York, NY: Routledge: 60–71.

Hitlin S., Elder G. (2007) Time, Self, and the Curiously Abstract Concept of Agency. *Sociological Theory,* 2 (25): 170–191.

Kravtsova A. N., Lisovskaya I. V., Yasaveev I. G. (2022) 'Eta sistema delaet tol'ko budushchih zekov': problematizaciya diskursa ispravleniya byvshimi zaklyuchennymi ['This System Makes Only Future Convicts': Problematization of the Discourse of Correction by Former Prisoners]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 4 (31): 79–99.

Mesoniene S. (2009) The Problem of Efficient Resocialization: Legal Regulations and Social Demands. *Jurisprudencija,* 4 (118): 235–246.

Nahouli Z., Mackenzie J.-M., Dando C. (2024) Rapport Building with Offenders in Probation Supervision: The Views of English Probation Practitioners. *Probation Journal,* 2 (70): 104–123.

Omelchenko E. L. (ed.) (2012) *Do i posle tyur'my. Zhenskie istorii* [Before and after Prison. Women's Stories]. St. Petersburg: Aletejya.

Ploeg G., Sandlie J.-E. (2011) Mapping Probation Futures: Norway. *Probation Journal*, (58): 386–394.

Radzinowicz L. (1958) *The Results of Probation*. London: Macmillan.

Raynor P., Vanstone M. (1994) Probation Practice, Effectiveness and the Non-Treatment Paradigm. *British Journal of Social Work,* 24 (4): 387–404.